

Кротов П. А. Шведский король Карл XII и формирование России как великой державы // П. А. Кротов // Научный диалог. — 2019. — № 10. — С. 396—411. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-396-411.

Krotov, P. A. (2019). Swedish King Charles XII and The development of Russia as a Great Empire. *Nauchnyi dialog*, 10: 396-411. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-396-411. (In Russ.).

УДК 94(48).052

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-396-411

ШВЕДСКИЙ КОРОЛЬ КАРЛ XII И ФОРМИРОВАНИЕ РОССИИ КАК ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВЫ

© **Кротов Павел Александрович (2019)**, orcid.org/0000-0001-9465-4758, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времён до XX века, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (Санкт-Петербург, Россия), p.krotov@spbu.ru.

Представлены результаты анализа личности шведского короля Карла XII. Во главе Швеции стояла яркая харизматическая личность с собственной концепцией правления и своим полководческим стилем — король Карл XII. Рассматриваются вопросы влияния личности и концепции правления Карла XII на ход и итоги его государственной и военной деятельности. Автор статьи утверждает, что именно личные качества Карла XII «помогли» Петру I полностью раскрыть потенциал, заложенный в нём природой, воспитанием и образованием. Проводится связь между этими историческими фигурами: чем упорнее и длительнее король воплощал в реальность свою жизненную концепцию, претворял свою парадигму идей в действие, тем более он давал возможностей царю Петру I проявить свой гений государственного деятеля, полководца и флотоводца. Доказывается, что основополагающие черты личности шведского короля, его упорная многолетняя, сопровождавшаяся высочайшей степенью мобилизации ресурсов война с Петром I способствовали рождению соответствующего противовеса — Российской империи. На взгляд автора, если бы история не даровала Петру I столь харизматического противника, у него были все шансы войти в историю царём Петром I, но не императором Петром Великим. Подчеркивается, что упорство, бескомпромиссность Карла XII, как ни парадоксально, созидали Великую Россию.

Ключевые слова: Карл XII; Пётр Великий; Великая Северная война; психологический портрет Карла XII.

1. Введение

Великая Северная война изменила расстановку сил в Северной и Восточной Европе. На место Шведского королевства, сильнейшей державы балтийского региона, в системе международных отношений вышла Рос-

сийская империя. Срединными персонами исторического процесса, благодаря деятельности которых политическая карта Европы приобрела иные очертания, являлись Карл XII и Пётр I Великий. Передовое по отлаженности государственного управления, с сильной армией, флотом, мощными приграничными крепостями, университетами, развитой промышленностью высоко милитаризированное Шведское королевство столкнулось с отсталой Московией и проиграло в затянувшейся на 21 год войне. Когда началась война против Швеции, Россия делала только первые шаги на пути преобразований: появился небольшой военно-морской флот на Азовском море (1696), началось создание большой регулярной армии (1699). Крупные промышленные предприятия насчитывались единицами, не производилась даже собственная бумага, отсутствовала профессиональная наука, не было университетов. Слишком многое зависело от того, какая личность стоит во главе государства. Карл XII и Петр I были воспитаны в духе своей эпохи, когда образцами служили примеры великих деятелей античного мира Александра Македонского, Юлия Цезаря и др. Однако итог государственной деятельности Карла XII и Петра I был различным.

Как представляется, многое в ходе и исходе противостояния короля Карла XII и его главного соперника царя Петра I может проясниться именно в итоге сопоставления психологии их личностей, сравнения концепций правления двух монархов.

2. Черты личности Карла XII: планы и действия

Первые же действия Карла XII в завязавшейся в 1700 году войне против Северного союза (Дания, Россия, Саксония) и поступавшие по разным каналам сведения дали русской стороне обильную пищу для выводов о природе его личности.

25 июля 1700 года 18-летний король начал высадку десанта под Копенгагеном. Удалось выявить в архиве подлинную официальную (заключена в рамку желтой и синей линиями — цветами государственного флага Швеции) рукописную карту от 23 августа того же года, составленную по свежим следам событий в шведской Ландскруне и подписанную её исполнителем К. Рёдкеном. На карте имеются подробные (главное — надёжные) сведения о численности шведских войск и хронологии шведского десанта. Именно поэтому становится возможным дать оценку первого военного мероприятия юного шведского короля на объективной документальной основе. За первые два дня на берег близ местечка Хумблебек при поддержке англо-голландского флота высадилось 4800 шведов. Высадка войск затянулась до 9 (19) августа. Всего на берег сошли 10 800 шведских воинов

[РГАВМФ, ф. 1331, оп. 1, д. 1, л. 1]. Если объективно оценивать высадку десанта, она имела явные черты авантюры. Главные силы датской армии действовали в Голштейне, не могли вернуться к столице через пролив Малый Бельт, но спешенные экипажи пребывавшего в датской столице флота, имеющиеся в столице войска и ополченцы при наличии решительного военного вождя обязаны были сбросить шведов в море в ближайшие дни после их высадки. Численность экипажей датского флота, пребывавшего в гавани Копенгагена, серьёзно превышала численность высадившейся маленькой шведской армии. Копенгаген имел мощные оборонительные сооружения. Шведы же не располагали осадными принадлежностями. Однако панические настроения и отсутствие достойного полководца привели к тому, что 7 (17) августа 1700 года. Дания вышла из войны по договору в Травендале. Карл XII проявил решительность и одновременно склонность к авантюризму. Предпосылки военной катастрофы для маленькой армии шведского короля были налицо.

Ситуация повторилась в сражении 19 (29) ноября 1700 года при Нарве. С той же небольшой армией (10 537 чел.; 37 пушек) [Походы ..., 2014, с. 79] король, руководимый своими опытными учителями в военном деле генералом от кавалерии О. Веллингком и генерал-лейтенантом от кавалерии К. Г. Рёншельдом, нанёс поражение русской армии, имевшей трёхкратное численное превосходство (33 400 чел.) [Артамонов, 2009, с. 34]. Русские сняли осаду Нарвы и отступили в опустошённом состоянии духа. Современник событий Ф. И. Соймонов (1692—1780) вспоминал об отклике общественного мнения на это поражение: «Народ же, бывшей тогда в крайне(й) неискусности в военных делах, не мог выразуметь, како бы шведской король с таким малым войском возмог одолеть их силу, весма многим числом превосходящую... и в том не малое ... с товарищи вначале роптание имели» [Соймонов, 2012, с. 94].

После поражения русской армии под Нарвой сложилась благоприятная ситуация для заключения мирного договора на довоенных условиях. Ещё в октябре 1700 года король Великобритании и правитель Нидерландов Вильгельм III Оранский отправил Петру I и Карлу XII грамоты с предложением посредничества в достижении мира. Царь согласился. Однако шведский король желал продолжать войну и принудить своих противников — царя Петра I и польского короля и саксонского курфюрста Августа II — к позорным условиям мира [Никифоров, 1950, с. 24—25]. Осенью 1700 — весной 1701 годов Карл XII вообще не воспользовался ни одним из нескольких выгодных предложений о мире. Такой подход короля, упускаемая политическая выгода поразили современников своей нелогично-

стью. В этих отказах уже проявились главные черты личности короля-воина: максимализм, недооценка противников, предпочтение военных способов решения проблем. Ещё более выпукло эта позиция Карла XII, его концепция власти и внешней политики, желание смещать королей и раздавать короны, подобно Александру Македонскому, выступили наружу, когда он, вопреки мнению ряда опытных советников, в начале 1702 года двинул свою маленькую армию в границы Речи Посполитой, не бывшей в состоянии войны со Швецией. Тем самым король приобрёл нового противника, но в слабой и богатой Польше он мог одерживать блестящие победы, содержать свою армию за счёт поборов с населения и, главное, наращивать славу Александра Македонского Нового времени [Возгрин, 1986, с. 95, 96, 101—102].

Наблюдения над источниками привели автора статьи к нетривиальному заключению — очень скоро русское правительство, составив «психологической портрет» монарха противоборствующего государства, стало проводить во внешней политике в высшей степени искусную линию, прогнозируя наперёд действия, которые должен был, по русским расчётам, предпринимать в разного рода ситуациях шведский абсолютный монарх. Ярким примером такого рода стало умелое прогнозирование и даже в некотором роде «управление» действиями Карла XII в ходе осуществления весной 1702 — весной 1703 годов успешной стратегической операции Петра I, когда часть русской гвардии во главе с монархом совершила демонстративный, отвлекший внимание шведского короля поход к Архангельску, а затем, совершив стратегический манёвр по малопроходимым местам, с сооружением новой 160-вёрстной трассы (Осударева дорога), выйдя к Ладожскому озеру, в октябре 1702 года овладела крепостью Нотебург (*рус.* Орешек) в истоке Невы. Логичным завершением стратегического плана стал выход русских войск во главе с монархом к побережью Балтийского моря у устья Невы, где 16 мая 1703 года был основан Санкт-Петербург, изначально мыслившийся царём как столичный город будущей Всероссийской империи. Начинается с этих событий и превращение России в одну из военно-морских держав Балтики [Кротов, 2011, с. 27—204]

3. Карл XII и Пётр I в битве под Полтавой

В наибольшей степени столкновение жизненных концепций двух монархов проявилось в решающей баталии войны со Швецией под Полтавой (27.06.1709). На поле вблизи Полтавы главные армии двух государств, имевших имперские претензии, встретились, и имперские амбиции Швеции рассыпались как стекло навсегда.

За две недели до решающей битвы под Полтавой, 13 июня 1709 года, в ответ на слова генерал-майора А. Спарре, что в Швеции все молят о мире, Карл XII, как представляется, высказал своё жизненное кредо, склонность к ведению бесконечной войны: «... не всё ли равно <...> не разобьём сегодня, так завтра, не завтра, так послезавтра, если это не случится на этой неделе, так через год, если не через год, то через пять лет, так через десять... всякий мир должен быть по совести, а раз так, то войну, пожалуй, можно вести всю жизнь» [Артамонов, 2009, с. 493].

К чему привело короля-воина следование такой жизненной концепции?

Ко дню решающей баталии войны Пётр I в итоге воплощения двухлетнего стратегического замысла отступления создал такое численное преимущество над шведами, которое при умелом руководстве не оставляло им шансов на победу. На месте битвы в день баталии 27 июня 1709 года было сосредоточено 57 200 профессиональных русских войск и до 23 000 нерегулярных войск (казаки, калмыки, валахи и др.). Имелось 310 пушек. Царь укрыл пехоту в укрепленном земляном лагере и редутах. В армии Карла XII, напротив, насчитывалось только 24 400 боеспособных строевых чинов (с учётом больных, калек, раненых 26 650) [Кротов, 2014, с. 271, 297, 300].

Прославленный английский полководец Д. Ч. Мальборо не поверил первому сообщению о разгроме Карла XII под Полтавой и был убежден, что король благоразумно без генеральной баталии отступил от Полтавы и «возвратился со своими войсками в Польшу» [Кротов, 2014, с. 29]. Генерал-фельдмаршал К. Г. Рёншельд, правая рука Карла XII, тоже полагал, что королю следует увести армию за Днепр без решающей битвы [РГВИА, ф. 412, оп. 1, д. 58, л. 5 об.].

Царь пытался в наибольшей степени оттянуть по времени генеральную баталию — каждый день сооружались новые укрепления, но при этом армия готова была принять на себя общий натиск шведских войск ежедневно. 25 июня русские войска передвинулись на новую позицию в пяти верстах от шведского лагеря (позиции разделял лес). На следующий день, 26 июня, войска продолжали возводить земляные укрепления на новом месте. Пётр I, очевидно, считал, что шведский король не упустит выгодную возможность атаковать русскую армию на марше. В этом случае русские войска не могли опираться на фортификационные сооружения. Полагая, что атака состоится, Пётр I, объезжая войска, «изволил их ободрять», напутствуя простыми обращениями: «Делайте, братия, так, как я буду делать, и все, с помощью Всевышшаго, будет добро...» [ПБИПВ, 1952, т. 9, вып. 2, с. 982]. Царь переоценил степень полководческого дарования своего швед-

ского венценосного противника — шведский натиск ни 25 июня, ни на следующий день не последовал. Прусский король Фридрих II, внимательно изучавший битву под Полтавой, так высказался о поведении шведского монарха 25 и 26 июня 1709 года: «Это была непоправимая ошибка — позволить царю выбрать позицию и дать ему время хорошо укрепиться. Он и так уже имел численное превосходство, причём большое; теперь ему было отдано преимущество на местности — и, с точки зрения военного искусства, это уже слишком» [Кротов, 2014, с. 212].

26 июня, за день до битвы, в письме, отправленном коменданту Полтавской крепости А. С. Келину, монарх писал так: «... ныне <...> вам повелеваем, чтоб вы еще держались, хотя с великою нуждою, до половины июля и далее...» [ПБИПВ, 1952, т. 9, вып. 1, с. 225]. Пётр I, опытный и выдержанный полководец, имел тактическую установку искусить шведов иллюзией успеха «неожиданного» нападения на русские укрепления. Наблюдавший за действиями русской армии шведский лейтенант Ф. Х. фон Вайе высказывал очевидную тогда для многих мысль: «... переход противника через Ворсклу преследовал цель не атаковать нас, но как можно основательнее окопаться и ждать нашего нападения» [Артамонов, 2009, с. 515].

У короля оставался выбор — атаковать или попытаться увести армию за Днепр. За день до баталии генерал А. Д. Меншиков предполагал отступление шведов: «Вчерась абоз свой перенесли мы сюда и хотя ближе к неприятелю, только зело в удобном месте стали и траншемент построили и чаем, что неприятель вскоре принужден будет место сие оставить и идти дале, когда надеемся ... з городом комоникацью свободную получить...» [Северная война, 2009, т. 1, с. 493—494]. Однако 26 июня король распорядился начать баталию на рассвете следующего дня. Можно думать, как полагает автор статьи, что это решение Карл XII, склонный до дня Полтавской битвы к вере в предопределение Свыше своей счастливой судьбы, принял на основании неких «знаков», неких расчётов по «науке» нумерологии: 8 (19) июля 1701 года он одержал победу в сражении на Двине, ровно через год 8 (19) июля 1702 года — при Калише, а 27 июня по новому стилю соответствовало 8 июля! Кроме того, дата рождения короля по старому стилю (17.06.1682) при пересчёте на новый стиль (с прибавлением 10 дней для XVII столетия) даёт 27 июня — дату его атаки на русскую армию под Полтавой! Подтверждением веры короля в счастливые числа и мистическую силу совпадений, «указаний» через числа (нумерология) является то, что в наступление на укрепления в Полтавской баталии он, вопреки здравому смыслу, взял, точно как и в сражении при Калише, только 4 пушки (из 34 (!), к которым имелись боеприпасы). Таким образом, можно

предполагать, что король предпочёл некую красоту и гармонию «числовых указаний» реальной выгоде атаковать русскую армию при перемещении на новую неукреплённую позицию, о чём ему сообщали генералы и что можно было наблюдать в подзорную трубу и что ожидал такой искушённый военачальник, как царь [Кротов, 2014, с. 64—65, 284—285].

Однако король ринулся в генеральную битву, которая погубила все шведские надежды на великодержавное положение его страны! Личный гвардеец короля (драбант) француз К. де Турвиль, лицезревший Карла XII в непосредственной близости в течение всего русского похода 1707—1709 годов, усматривал в действиях короля «огонь злопамятства к царю», «негибкость, которая определяла его характер», так оценил это решение короля: «Карл поступил, как отчаявшийся государь, которому не оставалось ничего более, как или погибнуть или вырвать победу шпагой, полагаясь на удачу у царя, опытного полководца, который несмотря на превосходство своих сил не пренебрёг тем, чтобы выгодно окопаться...» [Кротов, 1989, с. 127, 128]. После Полтавской битвы Турвиль дал королю такую оценку: «Он оказался на деле лишь недалёковидным государем и известным смельчаком, которого просто хранила удача и которого она же низвергла» [Кротов, 1989, с. 130]. Российской стороне стало известно, что беглый король, пребывая после Полтавской баталии в Молдавии в Бендерах, при многих свидетелях говорил: «Или счастье свое найдет, или королем не будет» [ПБИПВ, 1952, т. 9, вып. 2, с. 1077]. Авторитетный историк Д. Б. Волф писал о харизматической личности шведского короля: «Он лелеял наивные мысли, которые рассматривал как принципы и которые он пытался применить ко всем людям и ко всем обстоятельствам. Его ранние победы уверили его в своём интеллектуальном величии и непобедимости <...> Его скучный год в Саксонии, крах в России, унижительное пребывание в Турции и окончательное крушение его карьеры на Севере — всё это показывает его упорную приверженность заданным идеям, не учитывая действительности» [Wolf, 1962, p. 56].

Британский историк Р. И. Фрост полагает, что стратегия Карла XII была «без сомнения, рискованной», но её нельзя характеризовать как «действия сумасшедшего, психически неуравновешенного завоевателя» [Frost, 2000, p. 288]. Однако у короля бывали вспышки безудержной ярости, приступы крайнего «психически неуравновешенного» состояния, длительные депрессии. Как оценить ставший широко известным благодаря писательскому творчеству Ф. Вольтера эпизод так называемого калабалька (*турец., швед. заваруха, сумятица, свалка*) 1713 года вблизи Бендер в Молдавии? По ныне введённому в обращение свидетельству очевидца событий запо-

рожца Ф. Митлушенко (его рассказа Ф. Вольгер не знал), король, боявшийся, что крымский хан Девлет-Гирей II и сераскер (командующий войсками) крепости Бендеры Юсуф-паша насильно вышлют его под охраной татарских и турецких войск через Речь Посполитую в Швецию, собрал добровольцев, которые «хотят с ним умирать», отбил продолжавшийся весь день ожесточённый штурм своей усадьбы со стороны турок и татар при больших потерях для шведов. На следующий день турки и татары продолжили нападение и подожгли усадьбу: «А как тое солому зажгли, и кровли загорелись, и своды стали отвалеватца. А к тому стрельбу турки умножили, и видя король, что уже задохлись от огня три человека шведов и на него стал падать огонь, то выскочил в окошко, раненой в руку правую ниже локтя из янчарки, да щека левая ссараплена. И янчары, подхватя ево, короля, привели ... к паше...» [Кротов, 2010, с. 120, 121]. Д. Б. Волф характеризовал этот случай «королевской истории», как «наиболее позорный и глупый эпизод его жизни» [Wolf, 1962, p. 94]. Этот же историк высказал мнение, с которым согласен и автор статьи, что «решение Карла XII вторгнуться в Россию и предписать условия мира в Москве ускорили окончание шведского преобладания и облегчили утверждение российской гегемонии в северо-восточной Европе» [Wolf, 1962, p. 78].

4. Карл XII : загадка гибели

В литературе с XVIII века идёт спор: Карл XII пал от пули заговорщика или же от выстрела неприятеля?

По мнению автора статьи, есть серьёзные основания полагать, что 36-летний король 30 ноября 1718 года совершил действия, которые по существу означали осознанное самоубийство. Он высунулся на половину корпуса из траншеи под осаждавшейся шведскими войсками крепостью Фредрикстен в Норвегии и продолжительное время пребывал неподвижно на расстоянии, удобном для мушкетного выстрела с позиций осаждённых в крепости датчан. Произошло то, что должно было произойти — король был сражён смертельным попаданием мушкетной пули в голову. Можно сказать, что король-воин нашёл достойный выход — гибель на поле боя. Сложившиеся внешнеполитические и военные обстоятельства в достаточной мере объясняют поступок короля. Ко времени гибели мирные переговоры русских и шведских уполномоченных на Аландском конгрессе застряли на месте. Шведам было объявлено, что царь назначил крайним сроком для подписания договора конец декабря 1718 года [Фейгина, 1959, с. 318—319].

Объективных предпосылок переломить ход войны у Швеции действительно уже не было — король не мог этого не понимать. Весной 1718 года

шведская армия насчитывала всего лишь около 40 000 регулярных войск, причём плохо экипированных, и до 30 000 ополчения [Nordmann, 1956, p. 139—140], бесполезного против русских войск, как оказалось в следующем 1719 году. Численность населения Швеции после потери всех завоеваний на другом берегу Балтийского моря сократилась вдвое, с 2,5 млн до 1,25 млн в 1718 году [Фейгина, 1959, с. 204; Åström, 1973, p. 61]. Напротив, численность населения России, согласно первой ревизии (1719), составила 15,7 млн чел. [Кабузан, 1990, с. 77] — в 12,5 раз больше, чем человеческий ресурс Швеции. Российская армия, по штатам 1711 года, насчитывала 171 000 регулярных войск (включая гарнизоны). Если российский флот на Балтике был вооружён в 1718 году в количестве 25 линейных кораблей (1436 пушек; 9198 членов команд), то шведы вывели в море, и то ненадолго, лишь 15 линейных кораблей. Эти линейные корабли действовали только ранней весной 1718 года, опасливо прижимаясь к шведской военно-морской базе в Карлскруне. Грозой для Швеции был русский галерный флот — в августе 1719 года в манёврах вблизи Або у шхерных фарватеров, ведущих к Стокгольму, участвовала 121 русская галера [Кротов, 2017, с. 476, 490, 491].

Ныне, однако, известно: перед гибелью Карл XII сделал шаг, который призван был разорвать переговоры и возобновить военные действия — навести на срединные области Шведского королевства неотвратимую масштабную беду. Король отверг согласованную с таким трудом концепцию договора, которая удовлетворила переговорщиков с обеих сторон, заявив, что отказывается сделать какие-либо территориальные уступки! [Åselius, 2018, p. 87].

Король хотел, отвергнув согласованный мирный договор, уйти из жизни непобеждённым в войне (!?). Сделал он это единственно возможным в таком положении способом — военная победа была уже невозможна. После своего однозначного решения разорвать переговоры монарх-воин погиб 30 ноября 1718 года (ст. ст.) под стенами осаждавшейся шведами крепости. Король пал в бою, не обороняясь, но наступая на неприятелей!

Учитывая уже сделанные заключения о личности короля Карла XII, можно снова попытаться постигнуть логику его мыслей и действий. 19 ноября 1700 года по старому стилю, 20-го по шведскому календарю (действовал с 11.03.1700 по 11.03.1712 года, н. ст.) и 29 ноября по новому стилю произошла прославившая юного шведского короля битва при Нарве (1700), в которой он одержал победу над войсками своего соперника Петра I (сам царь отсутствовал во время баталии). Пётр I ошибочно считал последним годом XVII столетия 1699-й: в указе от 20 декабря 1699 года

о введении новой эры от Рождества Христова с 1 января 1700 года заявлено одновременно и о начале «нового столетнего века» — XVIII столетия. Это ошибка в хронологии. Она широко распространена и поныне в общественном сознании людей и у многих историков России и за рубежом. В действительности последний год XVII столетия — 1700-й; новый век начинался с 1 января 1701 года. В этом случае при переводе даты на новый стиль событий 1700 года люди не только того времени, но и множество современных отечественных и зарубежных исследователей прибавляют не 10 дней (как следует для XVII века), но 11 (как делается для XVIII века). Поэтому датой блестящей победы Карла XII в генеральной баталии при Нарве обычно считалось 30 ноября 1700 года (н. ст.). Можно предполагать, что так считал и король Карл XII.

Выше уже упоминалось, что король мог очень трагично воспринимать сыгранную с ним судьбой «шутку», когда дни его побед в сражениях 8 июля 1701 года при переправе через Западную Двину и 8 июля 1702 года при Клишове (обе по ст. стилю) при отсчёте 11 дней *назад* (выделено автором статьи. — *П. К.*) давали дату Полтавской битвы 27 июня (по ст. стилю; 8 июля по н. ст.). Об этом может свидетельствовать хотя бы его затянувшееся на ряд лет пребывание в глубоко депрессивном состоянии после поражения под Полтавой. Можно думать, что в преддверии неотвратимой катастрофы, которая с приходом времени летней кампании следующего года должна была разразиться над Швецией с началом действий российского корабельного и галерного флотов, король снова увидел некий «знак»: если отсчитать назад от 30 ноября 11 дней, получится 19 ноября, день шведской победы при Нарве! Есть основания предположить, что для короля это было некое «указание» на необходимость, так сказать, замкнуть «круг» собственного жизненного цикла.

Совершённый королём выбор отчаявшегося человека, отказ от согласованного мирного договора с Россией, крах всей его жизненной концепции «великого полководца», так и не ставшего великим (на фоне оглушительного успеха государственной реформы, полководческой и флотоводческой деятельности его соперника Петра Первого!), не мог не принести для Шведского королевства вскоре удручающих военных последствий. Они, как не мог не предвидеть король, последовали летом следующего 1719 года, когда десанты с российских галер, прикрывавшиеся с открытого моря мощным корабельным флотом под командованием самого Петра I, провели опустошения срединных областей Швеции и всей шведской береговой линии от Норрчёпинга до Евле, включая окрестности Стокгольма. Сожжению из-за несогласия шведов на мир подверглись

8 шведских городов, в том числе второй по промышленному значению в стране город Норрчёпинг, разрушены 21 завод, 43 мельницы, 41 сенаторская и дворянская усадьба, 26 складов и др. [Кротов, Подсобляев, 2017, с. 200—206].

5. Заключение

Подводя итог, следует сделать на первый взгляд парадоксальный вывод. Дело в том, что объективно черты личности Карла XII, его непримиримая антироссийская политика стали одним из главных факторов того, что Россия в ходе Великой Северной войны превратилась в великую державу. Русское государство приобрело большие территориальные приращения в стратегически важном регионе Балтийского моря, хотя, вступая в войну, Пётр I готов был удовольствоваться тем, чтобы получить на Балтике только порт Нарва и вернуть утраченную в Смуту линию побережья от реки Сестры до реки Наровы. К концу войны «положительная» роль Карла XII для России, для превращения лично Петра I в одного из великих правителей мировой истории, в Петра Великого, была в полной мере осознана и самим русским монархом. Французский морской консул А. де Лави описал в донесении от 20 января (н. ст.) 1719 года из Санкт-Петербурга следующий случай. Некоторое время назад царь пил за здоровье шведского короля (в России ещё не знали о гибели Карла XII). Один из его любимцев спросил, зачем он пьёт за здоровье своего врага. На это царь ответил: «Тут его собственный интерес, так как пока король жив, он постоянно будет ссориться со всеми» [Донесения, с. 7—8]. Когда же весть о кончине короля достигла Санкт-Петербурга, ганноверский резидент Ф. Х. Вебер спросил царя на ассамблее: «Должен ли он принести поздравление или же выражение сожаления по случаю этого великого события», — монарх пожал плечами и ответил: «Не знаю сам» [Донесения, с. 9]. Ответ царя, надо думать, был вполне искренним. Лучшее всего отношение Петра I к Карлу XII характеризует тот факт, что после получения официального известия о гибели короля от его сестры королевы Ульрики Элеоноры царь, его супруга Екатерина и придворные чины облачились в траурные одежды «в память о короле шведском» [Походный, 1913, с. 118].

В реальном ходе истории далеко не всё зависело от деятельности русского монарха. Война с такой сильной военной державой, как Швеция, объективно вела к необходимости масштабной мобилизации всех ресурсов России, проведению широких преобразований. России нужен был великий правитель, способный провести быструю модернизацию армии, создать сильный военно-морской флот на Балтийском море, провести ускоренную

индустриализацию, создать эффективный аппарат управления, в несколько раз увеличить доходы государственного бюджета, создать профессиональную науку, учредить новые учебные заведения. Пётр I оказался способным сыграть такую роль. Именно сила Швеции, с которой пришлось бороться Петру I, во многом предопределила масштаб и кратчайшие сроки проведения реформ в России.

Судьба послала царю столь яркого противника, как Карл XII. Основополагающие черты личности короля, его упорная многолетняя, сопровождавшаяся высочайшей степенью мобилизации ресурсов Шведского королевства война с Петром I способствовали рождению соответствующего противовеса — Российской империи. Разрушить созданное шведскими королями в течение XVII столетия мощное государство было сложно. Это сумел совершить абсолютный монарх Швеции, который мог не считаться с мнением своих советников, верил в предначертанную ему великую судьбу, считывал свою судьбу по числам (нумерология), бравировал неоправданным риском на полях боёв и сражений. Карл XII своими действиями постоянно создавал предпосылки для успеха государственной реформы в России, «помогал» царю Петру I превратиться в императора Петра Великого. Одержав блестящую победу под Нарвой (1700), Карл XII не предпринимал усилий подписать мирный договор с потрясённым противником. Вторжением в начале 1702 года в Речь Посполитую король приобрёл себе нового противника. Введение Карлом XII войск в Польшу превратило это обширное государство на многие годы в главный театр военных действий. Угроза вторжения главной шведской армии в Россию исчезла на много лет. В итоге этого опрометчивого действия Россия получила несколько лет для мероприятий по укреплению государства, для ускорения преобразований. Только в сентябре 1707 года шведская армия двинулась из Саксонии в дальний поход к русским границам. Пребывание короля после разгрома его армии под Полтавой вплоть до конца 1714 года в Османской империи оказалось практически бесполезным. Россия за это пятилетие в отсутствие эффективного руководства Шведским государством добилась существенного укрепления своего положения.

Итак, личные качества Карла XII «содействовали» тому, чтобы Петр I смог полностью раскрыть потенциал, заложенный в нём природой, образованием и воспитанием. На взгляд автора статьи, если бы история не даровала Петру I такого противника, столь цельную личность, у него были все шансы войти в историческую память царём Петром I, но не императором Всероссийским Петром Великим.

Источники и принятые сокращения

1. *Донесения* французского консула в Петербурге Лави и полномочного министра при русском дворе Кампредона с 1719 по 1722 год // Сборник Императорского Русского исторического общества. — Санкт-Петербург : типография М. М. Стасюлевича, 1884. — Т. 40. — XIII, 498, LXXXII.
2. *Кротов П. А.* Воспоминания Константена де Турвиля о походе Карла XII в Россию / П. А. Кротов // Вопросы истории. — 1989. — № 3. — С. 125—133.
3. *Письма и бумаги императора Петра Великого.* — Москва ; Ленинград : Академия наук СССР, 1950. — Т. 9, Вып. 1. — 530 с.
4. *Письма и бумаги императора Петра Великого.* — Москва : Академия наук СССР, 1952. — Т. 9, Вып. 2. — 1093 с.
5. *Походный журнал 1719 года.* — Санкт-Петербург, 1913. — 131 с.
6. РГАВМФ — *Российский государственный архив Военно-Морского флота.* Ф. 1331 (Атласы, карты и планы Архива Центрального картографического производства ВМФ). Оп. 1. Д. 1. Л. 1. Рукописная карта «Лагерь на Зеландии у Хумблебека» (Campment på Zeland wid Humblebäck). Швеция, г. Ландскруна. Подписана : К. Рёдкен (Clas Rödken). 1700 год, августа 23 (ст. ст.).
7. РГВИА — *Российский государственный военно-исторический архив.* Ф. 412 (Сведения о русских войсках, о их управлении и занятиях в мирное время). Оп. 1. Д. 58. Л. 2—9. — «Сказка» И. Б. фон Вейсбаха, генерал-лейтенанта кавалерии, о службе. 1721 год, февраль.
8. *Северная война 1700—1721 гг. : к 300-летию Полтавской победы : сборник документов.* — Москва : Объединённая редакция МВД РФ; Кучково поле, 2009. — Т. 1. — 528 с.
9. *Соймонов Ф. И.* История Петра Великого / Ф. И. Соймонов. — Санкт-Петербург : XVIII век, 2012. — 456 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артамонов В. А.* Полтавское сражение : к 300-летию Полтавской победы / В. А. Артамонов. — Москва : МППА БИМПА, 2009. — 687 с.
2. *Возгрин В. Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны (история дипломатических отношений в 1697—1710 годы) / В. Е. Возгрин. — Ленинград : Наука, 1986. — 296 с.
3. *Кабузан В. М.* Народы России в XVIII в. : численность и этнический состав / В. М. Кабузан. — Москва : Наука, 1990. — 256 с.
4. *Кротов П. А.* Битва под Полтавой. Начало Великой России / П. А. Кротов. — Санкт-Петербург : Спас ; Лики России, 2014. — 568 с.
5. *Кротов П. А.* Калабалык у Бендер : архивные материалы о приднестровской «заварухе» Карла XII / П. А. Кротов // Северная война и Приднестровье : история и современность. — Тирасполь, 2010. — С. 114—123.
6. *Кротов П. А.* Об операции как форме военных действий на море / П. А. Кротов, Е. Ф. Подсобляев // Меншиковские чтения — 2017 : научный альманах. — Санкт-Петербург : XVIII век, 2017. — Вып. 8 (18). — С. 199—206.
7. *Кротов П. А.* Осударева дорога 1702 года : пролог основания Санкт-Петербурга / П. А. Кротов. — Санкт-Петербург : Историческая иллюстрация, 2011. — 312 с.

8. *Кротов П. А.* Российский флот на Балтике при Петре Великом / П. А. Кротов. — Санкт-Петербург : Историческая иллюстрация, 2017. — 744 с.
9. *Никифоров Л. А.* Русско-английские отношения при Петре I / Л. А. Никифоров. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1950. — 277 с.
10. *Походы Карла XII.* — Москва : Книга, 2014. — Т. 1. — 136 с.
11. *Фейгина С. А.* Аландский конгресс : внешняя политика России в конце Северной войны / С. А. Фейгина. — Москва : Академия наук СССР, 1959. — 546 с.
12. *Åselius G.* Swedish Grand Strategy and Foreign Policy, 1697—1721 / G. Åselius // Charles XII — Warrior King / J. B. Hattendorf, Å. Karlsson, M. Lacy-Bruijn, A. J. Veenendaal, R. van Hövell tot Westerflieer (ed.). — Zutphen : Karwansaray Publishers, 2018. — P. 70—89.
13. *Åström S. E.* The Swedish Economy and Sweden's Role as a Great Power. 1632—1697 / S. E. Åström // Sweden's Age of Greatness, 1632—1718. — London ; Basingstoke : The Macmillan press, 1973. — P. 58—71.
14. *Frost R. I.* The Northern Wars : War, State and Society in Northeastern Europe, 1558—1721 / R. I. Frost. — Harlow ; London etc : Longman, 2000. — XIII, 401 p.
15. *Nordmann C. J.* La Crise du Nord au début du XVIII siècle / C. J. Nordmann. — Paris : Librairie générale de droit et de jurisprudence, R. Pichon, R. Durand-Auzias, 1956. — 318 p.
16. *Wolf D. B.* The Emergence of the Great Powers, 1685—1715 / D. B. Wolf. — New York : Harper and Row, cop. 1962. — XIII, 336 p.

SWEDISH KING CHARLES XII AND THE DEVELOPMENT OF RUSSIA AS A GREAT EMPIRE

© **Pavel A. Krotov (2019)**, orcid.org/0000-0001-9465-4758, Doctor of History, Professor, Department of Russian History from Ancient Times to the 20th Century, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Saint-Petersburg State University” (St. Petersburg, Russia), p.krotov@spbu.ru.

The results of the personality analysis of the Swedish king Charles XII are presented. Sweden was led by a bright charismatic personality with his own concept of government and his military leadership style - King Charles XII. The questions of the influence of personality and the concept of the reign of Charles XII on the course and results of his state and military activities are examined. The author of the article claims that it was Charles XII's personal qualities that “helped” Peter I to fully unleash the potential inherent in him by nature, upbringing and education. A connection is made between these historical figures: the more stubbornly and longer the king embodied his life concept into reality, put his paradigm of ideas into action, the more he made it possible for Tsar Peter I to express his genius as a statesman, commander and naval commander. It is proved that the fundamental personality traits of the Swedish king, his stubborn longstanding, accompanied by the highest degree of resource mobilization, the war with Peter I contributed to the formation of the corresponding counterweight - the Russian Empire. In the author's opinion, if history had not given Peter I such a charismatic adversary, he would have every chance to make it into history as Tsar Peter I, but not as Emperor Peter the Great. It is emphasized that the stubbornness, uncompromisingness of Charles XII, paradoxically, created Great Russia.

Key words: Charles XII; Peter the Great; the Great Northern war; psychological portrait of Charles XII.

MATERIAL RESOURCES

- Doneseniya frantsuzskogo konsula v Peterburge Lavi i polnomochnogo ministra pri russkom dvore Kampredona s 1719 po 1722 god. (1884). In: *Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva*. 40 Sankt-Peterburg: tipografiya M. M. Stasyulevicha. (In Russ.).
- Krotov, P. A. (1989). Vospominaniya Konstantena de Turvilya o pokhode Karla XII v Rossiyu. *Voprosy istorii*, 3: 125—133. (In Russ.).
- Pisma i bumagi imperatora Petra Velikogo*. 9/1. (1950). Moskva; Leningrad: Akademiya nauk SSSR. (In Russ.).
- Pisma i bumagi imperatora Petra Velikogo*. 9/2. (1952). Moskva: Akademiya nauk SSSR. (In Russ.).
- Pokhodnyy zhurnal 1719 goda*. (1913). Sankt-Peterburg. (In Russ.).
- RGAVMF — *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv Voenno-Morskogo flota. F. 1331 (Atlasy, karty i plany Arkhiva Tsentralnogo kartograficheskogo proizvodstva VMF)*. Op. 1. D. 1. L. 1. Rukopisnaya karta «Lager ‘ na Zelandii u Khumblebeka» (Campement på Zeland wid Humblebäck). Shvetsiya, g. Landskruna. Podpisana: K. Redken (Clas Rödken). 1700 god, avgusta 23 (st. st.). (In Russ.).
- RGVIA — *Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiiy arkhiv*. F. 412 (Svedeniya o russkikh voyskakh, o ikh upravlenii i zanyatiyakh v mirnoe vremya). Op. 1. D. 58. L. 2—9. «Skazka» I. B. fon Veyzbakha, general-leytenanta kavalerii, o sluzhbe. 1721 god, fevral’. (In Russ.).
- Severnaya voyna 1700—1721 gg.: k 300-letiyu Poltavskoy pobedy: sbornik dokumentov*. 1. (2009). Moskva: Ob’edinennaya redaktsiya MVD RF; Kuchkovo pole. (In Russ.).
- Soymonov, F. I. (2012). *Istoriya Petra Velikogo*. Sankt-Peterburg: XVIII vek. (In Russ.).

REFERENCES

- Artamonov, V. A. (2009). *Poltavskoye srazheniye: k 300-letiyu Poltavskoy pobedy*. Moskva: MPPA BIMPA. (In Russ.).
- Åselius, G., Hattendorf, J. B., Karlsson, Å., Lacy-Bruijn, M. (eds.). (2018). Swedish Grand Strategy and Foreign Policy, 1697—1721. In: *Charles XII — Warrior King*. Zutphen: Karwansaray Publishers. 70—89.
- Åström, S. E. (1973). The Swedish Economy and Sweden’s Role as a Great Power, 1632—1697. In: *Sweden’s Age of Greatness, 1632—1718*. London; Basingstoke: The Macmillan press. 58—71.
- Feygina, S. A. (1959). *Alandskiy kongress: vneshnyaya politika Rossii v kontse Severnoy voyny*. Moskva: Akademiya nauk SSSR.
- Frost, R. I. (2000). *The Northern Wars: War, State and Society in Northeastern Europe, 1558—1721*. Harlow; London etc: Longman.
- Kabuzan, V. M. (1990). *Narody Rossii v XVIII v.: chislennost’ i etnicheskiiy sostav*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Krotov, P. A. (2010). Kalabalyk u Bender: arkhivnyye materialy o pridnestrovskoy «zavaryukhe» Karla XII. In: *Severnaya voyna i Pridnestrove: istoriya i sovremennost’*. Tiraspol. 114—123. (In Russ.).
- Krotov, P. A. (2011). *Osudareva doroga 1702 goda: prolog osnovaniya Sankt-Peterburga*. Sankt-Peterburg: Istoricheskaya illyustratsiya. (In Russ.).

- Krotov, P. A. (2014). *Bitva pod Poltavoy. Nachalo Velikoy Rossii*. Sankt-Peterburg: Spas; Liki Rossii. (In Russ.).
- Krotov, P. A. (2017). *Rossiyskiy flot na Baltike pri Petre Velikom*. Sankt-Peterburg: Istoricheskaya illyustratsiya. (In Russ.).
- Krotov, P. A., Podsoblyayev, E. F. (2017). Ob operatsii kak forme voyennykh deystviy na more. In: *Menshikovskiy chteniye — 2017: nauchnyy almanakh*. 8 (18). Sankt-Peterburg: XVIII vek. 199—206. (In Russ.).
- Nikiforov, L. A. (1950). *Russko-angliyskiye otnosheniya pri Petre I*. Moskva: Gosudarstvennoye izdatelstvo politicheskoy literatury. (In Russ.).
- Nordmann, C. J. (1956). *La Crise du Nord au début du XVIII siècle*. Paris: Librairie générale de droit et de jurisprudence, R. Pichon, R. Durand-Auzias.
- Pokhody Karla XII*. (2014). Moskva: Kniga. (In Russ.).
- Vozgrin, V. E. (1986). *Rossiya i evropeyskiye strany v gody Severnoy voyny (istoriya diplomaticheskikh otnosheniy v 1697—1710 gody)*. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
- Wolf, D. B. (1962). *The Emergence of the Great Powers, 1685—1715*. New York: Harper and Row.